

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Сандра (из цикла «Имена»)

Люблю наблюдать за людьми — наивные и безрассудные. Сколько наблюдаю, столько диву даюсь. Вот этого взять: рыбки ему захотелось... Лодочка утлая, снасти смешные, сам худосочный, а туда же, на промысел вышел... старину Усатого зацепил, вытащить надеется. Скоро час как тягнутся. Я смотрю. Какое-никакое развлечение.

Усатый — древний сомище пудов на двадцать, не меньше, и длиной поболее трёх косых саженей. Днём дрыхнет в яме, а тут до заката вылез — голодный видимо. Конечно, такую утробу набить и ночи не хватит. А рыбак-то... Подплыву ближе, разглядеть знакомый ли, здешних всех почитай знаю. Да, видела. С мамкой ходил. Она бельё полоскать, а он в кусты и купаться. Плескался, пока мать за хворостину не возьмётся. Бойкий такой мальчишка, смешливый... попрос, вытянулся.

Ну, кто кого? Долго они ещё? Солнце из-за тучки выглянуло, сквозь воду печёт. Надо бы глубже уйти или в тень... Жаль, не досмотрю. Ух ты! Что это парень глаза таращит? Застыл весь. Неужто меня разглядел? Невозможно. А всё же смотрит прямо в глаза... О-хо-хо, вот, дура! Развиднелось, а я тёмным пятном маячу... Снасть брось, дурачок, сейчас Усатый кэ-эк дёрнет!

И старый сом, утомлённый и рассвирепевший от затянувшейся борьбы, дёрнул. Парень не успел осознать, как шагнул в воду через борт лодки и мгновенно провалился в пучину. Хоть бы леса намотанная за локоть слетела, ан нет, на совесть плетёнка их конского волоса скатана, не порвалась и не соскочила, ещё больше запутала несчастного. Рванулся он вверх к свету, да куда там. Усатый дома, в своей стихии, к яме добычу потащил. Дёргается человек беспорядочно, сгоревший воздух пузырями изо рта выходит, глаза выкатились из орбит, внутри всё пылает. Сейчас заглотит, впустит в себя водицу... Всё, обмяк. Лодка ещё покачивается на лёгких волнах. Тишина вокруг, лишь жужжание стрекоз да лягушечье кваканье изредка раздаётся. Будто и не было ничего.

Спешу за ними, Усатый недоволен моим присутствием, ну да мне плевать. Остановила рыбину, а то уже и пасть раззявил — жадная скотина. Заглотить враз не сможет — великоват для него трофей, но обезобразит. Рассматриваю утопленника вблизи. Красивый, если бы не глаза... Там наверху голубым сияли, светились в солнечных лучах, а здесь мутные, серые, пеленой подёрнутые и зрачки громадные, чёрные от ужаса. Подводное течение шевелит разметавшиеся соломенные волосы, а посиневшие губы двигаются вверх-вниз, точно утопленник сказать или попросить о чём хочет. Сколько ему? Зим семнадцать или восемнадцать. Взрослый, должно получиться с ним. Ну, что ж, свезло тебе, малец, что я рядом оказалась, не окончится на этом твоё бытие. Правда, благодарности от тебя тоже не дожидаться.

Очнулся Ванька на сырой траве голым, кругом кусты и деревья чёрные, над головой звёздное небо и желтоватая Селена с ухмылкой поглядывает. Вскочил, ощупал себя — цел! Как же он выпутался и не помнит ничего? Где одежда? Где лодка? Куда его занесло?! Побежал в одну сторону сквозь кусты — вода, ломанулся в другую — вода, пошёл торопливо по берегу — тусклые отблески на водяной глади. Островок крохотный. Неподальёку ещё один темнеет, а вон и подалее есть, и ещё... Сониная Пойма — вот он где. Присвистнул Ванька и присел на поваленный ствол дерева, призадумался. Далече оказался, рыбалил в Глухой заводи, от неё,

пожалуй, версты три-четыре будет. Сам вплавь никак не мог, выходит рыбина проклятая сюда затащила. Вспомнилось ему, как в воду упал, как боролся отчаянно, как в плетёнке запутался, как горело в груди, а потом... ничего. Пусто. Как выбрался из передрыги — никакого намёка. Лишь глаза чьи-то мерещатся...

Жутко ему сделалось, вздрогнул и обнял себя руками за плечи. Приготовился по привычке унять дрожь и подивился. Озноба не было. Больше того, воздух казался знойным и удушливым, как в кузне. Провёл ладонью по руке — горсть влаги собрал. Хотя и лето, но ночи прохладные, а его парит точно в горячечном бреду. Ещё посидел, подождал — должно же хоть чуть отпустить. Нет, хуже стало. Лёгкий ветерок вместо прохлады ожог спину суховеем. В панике Иван заметался, показалось ему, что весь огнём он объят и от движений становилось всё жарче и жарче, пот ручьями стекает по телу. Где же спасение?

Вода... Она кругом и манит, обещая убежище от нестерпимого пекла. Боясь передумать — слишком свежо в памяти падение с лодки — Иван бросился в озеро. Оказалось не глубоко в этом месте — по грудь. Блаженство окутало всё тело, сбивая жар. Каждая пора жадно впитывала и насыщалась влагой, члены расслабились, колени подогнулись, но он не осел ко дну, а повис в невероятной неге и покое. Так хорошо ему ещё никогда не было. Не ощущалось ни тепла, ни холода, не чувствовалось сопротивление среды окружавшей его, только голове и плечам по-прежнему горячо. Иван подумал, что не плохо бы уйти под воду совсем, хоть ненадолго, чтобы смыть струящийся пот с лица, и не успел удивиться, как оказался сидящим на дне. Встрепенулся было, но сразу успокоился, будто подсказал кто-то, что опасности нет. «Всего лишь минутку посижу так, с закрытыми глазами... — решил он. — Здесь до поверхности вершок, в любое мгновенье воздуха вдохнуть можно». Не хотелось шевелиться. Дремота подкралась, настолько необычно и приятно было охватившее состояние. С закрытыми глазами он видел, что творится вокруг. Видел ясно, как погожим днём: проплыла стайка окуньков, неторопливо бороздит хвостом по илистому дну рак, а за спиной застыла изумлённая щука, на поверхности под плакучей ивой вяло перебирают лапками пара селезней... И он слышит это! Как такое возможно?! Уж не уснул ли он?!

Иван заставил себя открыть глаза и поднять над водой голову. Ожидал что, засидевшись, станет жадно хватать ртом воздух, но ничего подобного не произошло. Чрезвычайная необходимость глубоко вздохнуть не одолевала. Зато наружная духота живо напомнила о себе. На берег вылезать не хотелось. «А что меня здесь держит? — пришло неожиданно на ум. — Ни лодки, ни одежды. Зачем торчать на этом островке? Попробовать доплыть до другого клочка суши, потом до следующего, а там и до настоящего берега недалеко». Ночь и вода больше не страшили его, неизвестно откуда появилась уверенность, что сможет это сделать, хотя никогда не считался хорошим пловцом.

Иван загребал короткими саженками в сторону ближайшей темнеющей массы, чьи контуры серебрил лунный свет и изумлялся сколь скоро у него выходит. Оглянулся — не заметил, как одолел полпути, а казалось, только с места стронулся. И никакой усталости. Ни капли. «А, если поднажать? — весело подумалось ему». Сказано — сделано. Горячий ветер туго ударил в лицо, заставляя слезиться глаза, а вода вокруг вскипела пенными бурунами. Не утерпев, юноша нырнул, вытянув вперёд руки и понял, что его по-прежнему влечёт вперёд с устрашающей скоростью. Охватило пьянящее чувство вседозволенности и могущества. «А ещё быстрее!»

Наверное, так парят птицы в небесной синеве, как летел Иван, замирая от восторга. Никакого сопротивления, никаких усилий, никакого страха, никаких мыслей — одно желание: вперёд! И несло с неудержимой силой. «А, если вбок?!» Тело само послушно изогнулось и заскользило в нужном направлении. «Теперь, в другую сторону! — ликуя, скомандовал юноша. — И глубже!» Заложив изящный пируэт, он понёсся вниз со скоростью атакующей щуки и резко осадил у самого дна, покрытого колышущимися водорослями. Вспомнил, что давно не был на воздухе. Не запаниковал, но тревожно прислушался к себе: нет, никакого жжения не ощущалось. «Всё-таки надо вынырнуть...»

Летняя заря занимается рано и верхушки деревьев уже зарозовели в лучах нарождающегося солнца, когда из тёмной глубины выскочило на свет поджарое тело. Юноша взлетел над водой на добрую сажень и, хохоча от пьянящего восторга, плюхнулся обратно. Снова выпрыгнул и упал, поднимая тучи брызг, потом какими-то стремительными бросками в разные стороны вспенил и взбаламутил весь затон, в котором оказался, после чего с улыбкой до ушей огляделся. Из тенистой заводи, подвергшейся шумному вторжению поспешно удирали рыба мелюзга и водные обитатели покрупнее. Довольный произведённым эффектом парень рассмеялся. Из-за деревьев на берегу эхом донёсся ответный смех. Иван прислушался.

— Эй, кто там?

— А кого тебе надобно? — ответил из непроглядной тьмы озорной голосок.

— Дык, всё едино, покажись только... — ещё улыбаясь, но посерьёзнев, попросил парень. — Заплутал я, лодку потерял на рыбалке, домой бы дорогу узнать...

Вот так всегда. Стараешься — стараешься, а ему домой к мамочке... Может, надо было его Усатому оставить? О чём это я?! Теперь не повернёшь, дело сделано, стрелки часов пущены. Хороший он, весёлый, резвый, игривый, молодой одним словом — такие злыми не бывают. А вот я стара и лето это последнее. Конечно, можно подождать ещё, другого присмотреть, только разницы в этом никакой, днём позже — днём раньше. Глянулся он мне, а это тоже вещь не последняя. Любовь у нас, мавок, один раз бывает, первый и последний. Отнерестилась и конец. Однако некогда горе горевать, этого молодца ещё соблазнить надобно. Облик принять подходящий, тянуть нельзя, пока человеческое в нём живо, пока думает, что сердце бьётся, что кровь по жилам течёт, иначе не выйдет ничего. Раскиснет, расплзётся, растворится... даже думать об этом не хочется.

— Сама затерялась, спутника ищешь, который поможет беде.

— Покажись, девица, выходи на берег, вместе придумаем что-нибудь, — Иван уже распознал, что голос молодой девушке принадлежит, но сам выйти на берег не спешил, стесняясь наготы. Вдруг у неё какие-никакие тряпки найдутся, чтобы срам прикрыть...

Из-за кустов на мгновение показалось личико. Приятное и румяное, только Ванька приуныл слегка — напомнило оно Дуняшу, девку справную и ладную, но излишне крепкую и даже крупную, коих он побаивался.

Не то. По глазам его вижу, что не то. Испробуем другое...

— И со мной оказия случилась — не одетая я, — игриво отозвалась девушка из-за другого куста и опять ненадолго выглянула из густой листвы.

Или тени шалют, или разглядел прежде худо, только на сей раз лик говорившей всколыхнул чувства юноши. Девушка показалась краше всех, кого видеть ему доводилось, а упоминание об отсутствии одежд отозвалось внутри ноющим предчувствием чего-то запретного и

сладкого. Такого, что по ночам снится, да вслух не говорят.

— Что, совсем ничего нет на тебе?! — замирая в ожидании ответа, спросил юноша.

— Совсем... — откровенно призналась краса, при этом налетевший ветерок слегка разметал листву и остолбеневший парень узрел в просветах мелькнувшую девичью грудь с вишнёвыми сосками.

Жар ударил Ваньке в голову... или солнце, приподнявшееся над далёким лесом опалило. Он на секунду погрузился с головой в воду, чтобы охолонуться. Вынырнул довольным, сочинив лукавое продолжение знакомства.

— Ты в воду полезай, как я! На мне тоже — нитки нет, — игриво крикнул Иван и от избытка накатившей энергии всколыхнул руками вокруг себя воду. Да так, что от этого движения образовалось нешуточное волнение.

— А не будешь подглядывать?! — торопливо отозвалась девица, отвлекая парня от эффекта произведённого его руками — на берег плеснулась волна с локоть высотой.

— Нет, я отвернусь, — заверил юноша, подивившись, как красавица легко поддалась на уловку. — Хочешь, могу нырнуть, пока в воду зайдёшь. Я, знаешь, как ныряю! — хвастливо продолжил он.

— Не сомневаюсь... — тихо прошептала она и невзначай высунула из-за куста ножку такой формы и длины, что у парня выкатились глаза, как давеча в сомовой яме.

— Как звать-то тебя? Меня — Иван, — он смахнул заливавший глаза пот и загородил ладонью лицо — чёртово солнце палило немилосердно, хоть бы тучка, какая набежала...

— Ныряй, Ванечка! А имя после скажу, — усмехнулась зеленоглазая дива и, подождав пока скроется голова парня, легко взвилась в воздух белоснежным до прозрачности телом и без всплеска вошла в воду.

Иван, посчитав, что просидел под водой достаточно, вынырнул и с любопытством огляделся. Никого. Он разочаровано покричал, позвал в сторону берега, полагая, что передумала, струсил и прячется за деревьями. Молчание. Снова закрутил головой, не понимая, куда она делась.

Его лодыжку обхватили цепкие пальцы и потянули с поверхности. Опомнившийся Ванька увидел её перед собой. Дева висела в сажени от него, ослепительно улыбаясь, распростёрши в стороны руки и слегка шевеля широко разведёнными ногами, точно плавниками. Её громадные изумрудные глаза призывно смотрели прямо на него. Растворившись в этом взгляде Иван, не удивляясь происходящему, как загипнотизированный, протянул руку и коснулся пальцем твёрдого соска. Зеленоглазая нимфа вздрогнула и расхохоталась. «Разве можно смеяться в воде? — прозвучал где-то очень далеко задумчивый голос». Но другой, громкий, перебил его, когда дева ловко извернулась и пошла на глубину: «Ах, вот как! Ну, держись...

Ванька кинулся догонять прелестницу. Перед его жадными глазами мелькали то дивные ступни, то округлые полушария, разделённые тёмной полоской, то конусы грудей, то длинные развевающиеся водорослями волосы, то белоснежные зубы за коралловыми губами... Но, удивительное дело, вопреки обретённой уверенности, Ивану никак не удавалось настичь манящий силуэт. Непостижимым образом она опережала его, и это распаляло ещё больше. Незаметно для себя, вместо шуточного преследования юноша включился в состязание по-настоящему. И по мере нарастания азарта, стал наливаясь дикой силой,

которая распирала его, требовала, во что бы то ни стало нагнать беглянку, схватить и овладеть ей. Ускоряясь и ускоряясь контуры тел потеряли человеческие очертания, обратившись в веретенообразные прозрачные сгустки, неуловимо взгляду пронзающие кипящие воды заводи.

Сознание покинуло Ивана. Он стал кем-то иным. Произошло качественное изменение. Скачок. Настиг! Один из одноимённых зарядов переменял знак и гонка кончилась. Плюс и минус понеслись навстречу с неудержимой силою. Соединились, слиплись, слились в восторженном экстазе... Подводная вспышка озарила глубину, и вода успокоилась, лёгкой рябью напоминая о пережитом.

Удивительно чувствовать, как распадается структура. Связи слабнут, чёткие грани решётки оплывают, потенциалы гаснут один за другим и потерявшие своё значение молекулы смешиваются с водой. Я старею и не могу больше сохранять привлекательную форму. Это напоминание перед окончательным распадом сколько мне лет. Хорошо, что он не видит этого. Первым сдал конструктор форм. Ещё способна упорядоченно мыслить, но уже растекаюсь аморфной медузой. Течение уносит частички бывшие мной. Теперь это обыкновенная органика. Ещё вижу, как пронырливые окуньки набрасываются на нежданное угощение.

Среди водорослей безмятежно спит самый юный Водяной на этой планете. В нём ещё сильна человеческая сущность, и после интеграции он бессознательно принял привычный облик. Его трансформация завершается. На окончательную встройку новых структур потребуется время, когда он очнётся, меня не будет. Я не увижу, каким он станет. Верю, что не злым демоном пучин.

Помертвевшими губами успеваю шепнуть ему: «Сандра. Меня звали Сандра... « *

* Сандра — защитница людей (русск. — Александра)